

Элина
Наумова

СЛИШКОМ ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Мужские истории

Женские истории

Элина Наумова

Слишком женская история

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Наумова Э. Р.

Слишком женская история / Э. Р. Наумова — «Центрполиграф»,
2020 — (Женские истории)

ISBN 978-5-227-09091-1

«Все преодолимо, если не отчаиваться». Лена с юности всегда стремилась помочь ближнему, поддержать знакомого, вникнуть в проблему подруги, семейную жизнь которой заедает капризная бабка, и ринуться организовывать обмен, развезд... готова хлопотать и в очередной раз разбить лоб в битве с судьбой... Больше занимаясь чужими проблемами, чем своими, Лена внезапно осознала, что оказалась в самом активном зрелом возрасте круглой сиротой, разведенкой, неудачливой в друзьях и любовниках. Может, пришло время опробовать свой главный жизненный принцип на себе?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09091-1

© Наумова Э. Р., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Часть первая. Обмен без вариантов 1987 год	6
Глава 1. Старый двор	6
Глава 2. Подруги	8
Глава 3. После смерти	14
Глава 4. Жена негодяя	20
Глава 5. Девочки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эллина Наумова

Слишком женская история

© Наумова Э.Р., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

Часть первая. Обмен без вариантов 1987 год

Глава 1. Старый двор

В центре города стоял дом. Он был старый, четырехэтажный, из красного кирпича. Мраморная доска на стене призывала относиться к дому со вниманием, ибо в 1916 году в нем полтора месяца жил мало кому известный теперь писатель. В окружении легкомысленных голубых и желтых особнячков с белеными полуколоннами дом казался выше, длиннее и мрачнее, чем был на самом деле. Зато благодаря ему улица приобретала характер и способность играть настроениями тех, кто решил прогуляться по ней из конца в конец.

В доме было два просторных сквозных подъезда. Попад в двор, жители новых районов не сразу соображали, что он продолжает заинтересовавшее их строение. Двор выдавал подошедшим не с той стороны все тайны благородного фасада: до крыши забрызганную мочой деревянную уборную, помойную яму со следами крысиных лап на присыпанной хлоркой земле, укутанную в грязные тряпки колонку, простыни с заплатами и штопанные сатиновые трусы на веревках, матерящихся полугодовалых детей, тихих худых мужчин и шумных толстых женщин. Во двор же выпускала увечных дверь фабрики, где клеили картонные коробки. И летом между колонкой и помойкой табором отдыхали разновозрастные инвалиды. Двор был люден, звонок разговорами, смехом и плачем своих. А чужие попадали в него случайно, редко и ненадолго. Разве что догадывались, что он проходной, изумленно озирались и бросались на параллельную улицу чуть ли не бегом.

Однажды во двор зашла молодая, хорошо одетая женщина. Она уверенно миновала доминошников и села на темную парковую скамейку. Ее воскресным утром годы назад приволокло сюда непохмеленное юношество. А вечером отбило у участкового милиционера хорошо поддавшее за обедом старшее поколение героев. Женщина уставилась сначала на заплеванный окурками асфальт, потом на окна третьего этажа. Она не шевелилась, лишь смотрела. Ее поведение было столь необычным, что все голоса, кроме детских, на минуту стихли. Лица доминошников расплзались в оскалах, сигнали о неумении терпеть чье-то мирное присутствие. Но тут у колонки появилась Валентина, непьющая и некурящая мать-одиночка. Она считалась женщиной таинственной, потому что дочка ее не была похожа ни на одного дворового алкаша.

– А, ба, Алена пожаловала! – удивилась Валентина и ловко спрятала за спину ведро, чтобы не смущать гостью его пустотой.

В приметы во дворе верили с колыбели до могилы. В Бога – на Рождество и Пасху. Больше ни во что, ни в кого и никогда не верили.

– Привет, Валя.

– Сколько лет, сколько зим! Как тебя сюда занесло?

– Шла мимо... Потянуло.

– Алена это Ольгина! – зычно крикнула Валентина. – Ольга в театре костюмершей работала. В семьдесят восьмом переехала. Козловы ее квартиру заняли. А потом эти, новенькие.

Двор загалдел снова. Помнящие Ольгу подошли к Алене поздороваться, упрекнуть, что «села, как неродная», расспросить про мать. Ольга умерла пять лет назад от лейкоза. Тот самый «цветущий женский возраст», в котором это и случается. Подобно всем остальным страдалцам, Ольга перед тем, как ей поставили диагноз, была необыкновенно хороша собой. Люди скорбно покачали головой, отошли, зашептались с теми, кто не подходил. Валентина потащила Алену пить чай. После громогласного приглашения та могла навещаться во двор когда и сколько угодно. Она знала, что ее здесь не выматерят, не изнасилуют и не убьют, если она будет держаться приветливо и не станет кокетничать с доминошниками.

Алена действительно шла мимо, и у нее расстегнулся чулок. На одной резинке он мог продержаться час, а мог и минуту. Она вошла в подъезд, но там густо курили и трепались мужики. Хотела вернуться на улицу и вдруг вспомнила, что во дворе есть туалет. Наверное, единственный на весь город остался. Скамейка, на которой она когда-то играла в куклы, была пуста и суха. Алена доковыляла до нее, стараясь не сгибать ногу в извивающемся дедероне, погладила крепкие доски чуть медленнее, чем сметают пыль, и села. Ее никто не узнавал. Вечерело. Она нашла глазами свои окна и ничего не увидела – красный закат натужно выламывал некогда родные стекла. Пригласила Валентина. Алене совсем не хотелось ее чая и разговоров. Но пришлось зайти, чтобы выяснить, что случилось с чулком или резинкой.

Она вновь оказалась в опустевшем дворе поздним вечером. И решила, если уж так сложилось, посидеть немного на скамейке. Вспоминать детство Алена не собиралась. Люди выковыривают эпизоды из памяти, как дети стекляшки из маминой брошки. Только маленькие не знают, что с ними делать. А взрослые, начитавшись о ценности этих камней, часто пытаются обменять их на любовь, уважение или прощение близких. Пошли им Бог в оценщики хорошего психоаналитика! Алена-то понимала, что ее мелкие камешки нужны только ей. И как водится, наковыряв порядочно, она додумалась собрать их уже не в Ольгину брошь, а в свою кучку.

Системы не стало, но появилось ощущение и чувство детства. Те радости были вкуса шоколада и цвета нового мишки, ненависть пахла табаком маминого друга, любовь – ее духами. Да мало ли. Такой была Аленина жизнь, что впечатления и эмоции взрослости не пересилили детских. Она навела в прошлом своеобразный порядок. И теперь могла прижиматься к «своей» скамейке, не особо тоскуя.

Знакомое окно кухни на третьем этаже осветилось. И Алена увидела стену. По синезеленой поверхности расплзались в разные стороны желтые полосы. В них запутались желтые же треугольники и квадраты. Краски были яркими, хотя Ольга разрисовала стену лет двадцать назад. Маляр тогда попался нерадивый. Он поиздевался над тремя стенами, а над четвертой просто надругался. Ольга украсила ее, как могла. Там был квадрат, в стороны которого впились углы двух треугольников. То ли рука у доморощенной художницы задрожала, то ли устала она возиться с тяжелым брусом, заменявшим линейку. Но стороны получились волнистыми, а сам квадрат – словно дрожавшим от боли. Алена пыталась отыскать его, единственный, и не находила. Она встала, пометалась в поисках лучшего обзора и, наконец, увидела искомое. Только стороны квадрата были выпрямлены. Ольга обрадовалась бы своей сохраненной и подновленной настенной росписи. Ей была бы приятна исправленная ошибка. А для ее дочери кухня стала чужой.

На подоконнике не возясь, привычно устраивалась девочка лет шести в брюках и футболке. Алена тоже любила на него забираться. Ей почудилось, что это она смотрит в окно. Сейчас появится тридцатилетняя мама и погонит ее спать. Интересно, что делает ночью во дворе та женщина? Ей не страшно? Почему она пристально глядит вверх? Видит ли ее? Алена отвела глаза, поднялась и ушла, чтобы не напугать ребенка. На улице у нее снова расстегнулся трижды проклятый сегодня чулок.

Глава 2. Подруги

- Дрыхнешь? – спрашивает Варвара.
- Угу, – бормочет Алена.
- Счастливая.
- Не очень.

Алена садится на дезодорированной простыне. Тройным одеколоном они белье в прачечной сбрызгивают, что ли? Диван под ней недовольно скрипит. Ох уж эта рухлядь, пошевелиться невозможно. Хватит выдавать ее за перетянутый недоумками антиквариат. Пусть кто-нибудь из знакомых мужчин выволочет диван вон. Может хоть один современный мужчина избавить от ужасающего предмета обстановки женщину, если она не жена?

Проболталась она спросонья. Сколько раз убеждалась: одинокой бабе, не лишенной достоинства, даже под пыткой надо улыбаться и твердить: «Я счастлива. Все, что со мной происходит, так и задумано. И мне на пользу». Ладно, нечего теперь убиваться, тем более что пытаться ее никто не собирается.

Семь утра. Варвара, зараза, сама не спит и другим не дает. Она с детства отдыхает от жизни по три-четыре часа в сутки. А живет тем же и так же, как все. Мощная психика у девушки. Сколько же страстей и мытарств должен вмещать ее день, чтобы она забылась на целую ночь? Из уважения к неисчерпаемому потенциалу Алена проглатывает зевок. Вставать не хочется, но этой бестактной Варваре полезно посмотреть на образцовое начало дня. Распустилась школьная подруга: грудь висит, живот напористо распирает юбку, челка не завит, джемперок распробован молью. В прошлый раз Алена не выдержала и сказала, что негоже прорезами на одежде светить. Варвара, конечно, надулась, но сквозь зубы обещала поставить заплатку. И смотри-ка, замаскировала дыру половиной черной тонкой кожаной перчатки. А на кончик указательного пальца нашила красный трикотажный кружок. Все-таки в Варваре что-то есть. Ну, хотя бы интерес к дешевым журналам для домохозяек.

- Оригинальную аппликацию ты придумала.
- Находишь?
- Усиленно ишу, – сообщает Алена и смахивает с себя одеяло.

Она голая, еще тонкая, а не сухая, с чистой смуглой кожей. У Варвары веки крепко сжимаются от неожиданности. Не то чтобы ее, любительницу бани, смущала женская обнаженка. Просто не дает глазам растрачивать зависть. Умница, во внутреннем хозяйстве все пригодится. Мерзкие чувства тоже двигатель прогресса.

– Извини, – просит Алена, – халат в шкафу, в прихожей. Я всегда так сплю. Говорят, очень полезно.

– Что ты, что ты, – бормочет Варвара. – Может, вернуть тебе ключ? А то врываюсь ни свет ни заря, бужу...

Махнув рукой, Алена бежит в ванную и через десять минут возвращается в купальнике:

- Йоги советуют предварять гимнастику водными процедурами.

Варвара машинально поджимает ноги и, кажется, гонор. Во всяком случае, не намекает, что ради нее можно было бы и отказаться от лишних телодвижений. Алена расслабляется и приступает к самомассажу. Потом бесцеремонно переходит к упражнениям, симпатичным только на картинке, а в реальном исполнении гонящим обильный пот, заворачивающим то тут, то там гимнастический купальник, словом, безобразным.

- Я кофе принесла, – сообщает Варвара злым голосом.

– Еще полчаса мне ни до чего, – тяжело дыша, откликается Алена. Она все же трудится с удвоенной интенсивностью, чтобы сократить муки подружкиного ожидания. – Если тебе скучно, вари мой.

Знает она Варварин кофе. Дед-ветеран получил банку в праздничном пайке, вот девушка и отсыпала две чайные ложки. Страшно пить и воображать, как она проделывает это, таясь от мужа. Павел не любит ее подруг и не угощает тем, чего самому мало достается. Скандалит, если застукать за выносом дефицита из кухни. Зато всегда благосклонен к приносу. Пусть лучше Варвара наслаждается Алениным кофе. Его-то она дует чашку за чашкой. Но, видит бог, Алене не заморских зерен жалко, а Варвару, пытающуюся угодить всем.

После гимнастики Алена убирает постель, торопливо накручивает волосы на бигуди и является Варваре, от нетерпения и обиды дырявящей металлической набойкой ее паркет. Завести тапочки для психующих гостей, что ли? Щедро крепкий кофе быстро превращается в пар. Подруга выгребла из холодильника все сладости и красиво разложила их на блюде. Дома она ест стоя, черпает ложкой из кастрюли, чтобы не возиться с посудой. Там она вообще сама для себя остаточный принцип. Алена решительно ставит всю уйму калорий перед Варварой и моет себе и ей по персику:

– Ты забыла, чем я завтракаю?

Женщины садятся за стол.

– Может, курнем сначала? – предлагает Варвара, озираясь в поисках сигарет.

Алена знает, как ей хочется курить. Она и примчалась с утра пораньше, чтобы надымиться вволю. Дома ей нельзя. На улице тоже – боится, что кто-нибудь из друзей мужа случайно увидит. Павлу она наверняка сказала, что идет на рынок. Через часок, прихватив у Алены моркови и лука, порысит назад и будет врать про толпы желающих купить дешевые овощи. Подвиг во имя семьи – томление в очереди. Алена не стала комкать свое утро ради несчастной Варвары. Плохая она подруга, да? Пусть спасибо скажет, что вообще поднялась. Могла бы зарыться в постель с головой:

– Кофе на столе, сигареты на подоконнике, делай то, зачем пришла, и выметайся, захватив из холодильника любые продукты.

Потому что не Алена нужна Варваре, а крохотная передышка. У нее сегодня муж, сын, дед в одной шестнадцатиметровой комнате. Ей сегодня мыть, стирать, чистить, готовить. Хозяйка подает гостье пачку и зажигалку:

– Кури, а я после еды.

– Я потом еще пару раз с тобой, – хватается сигарету Варвара.

– Разреши тебе Пашка курить, ты ведь бросишь, – смеется Алена.

Варвара давно догадалась о неприязни Алены к Павлу. А о ненависти мужа к подруге всегда знала наверняка. Поэтому уверенно лжет:

– Он тут ни при чем.

Алена берет свой персик. Кожица кругло свезена с желто-розовой мякоти на его боку. Персик до тошноты похож на ободранную коленку. Алена отдает его Варваре и, залпом выпив теплый кофе, спешит закурить.

Она думает о том, что сию минуту после тяжелой продолжительной болезни в ней гибнет смысл ее двадцатипятилетней жизни. Испускает дух лидер. Варвара закусывает фрукты пирожным и жалуется на судьбу, а в Алене по-хозяйски обосновалась смерть. Вот-вот случится главное таинство: лидерство отделится от Алены и тополиной пушинкой уплывет в неведомое. И неведомый же, но очень добрый Бог поймает белое волоконец теплыми ладонями, обрадуется и по детской примете проглотит, загадав желание: «Да будет у Алены все хорошо, да обретет ее жизнь новый, прекрасный смысл».

Алене хочется зарыдать. Потому что не станет Бог мучиться, заталкивая в себя раздражающе налипшую на язык пушинку. Он рассмотрит ее в лупу, тяжело вздохнет, сосчитав пылинки грехов, и уберет в ящик, где копится понемногу неземная Алена. Потом Он всплакнет, понимая, как нелегко теперь Алене будет искать себя, не растеряв всех без исключения остальных.

Но в конце концов Он успокоится. И даже улыбнется: «Занятно, что эта повзрослевшая него-
дяйка еще сотворит».

У Алены темнеет в глазах, и десятки синих звездочек мигают невпопад, как взбесивша-
яся от перегрузок иллюминация. А Варвара говорит о своем. Никак не уgomонится. Ей уютно,
сытно, тепло. Нечуткая, дурно воспитанная, болтливая Варвара. Ну, что там у нее сегодня?
Ах, одна Алена живет так, как все хотят? Достоинo и независимо? Варвара бьется, бьется – не
получается. У друзей-приятелей тоже. Но Варвара радуется за Алену, а они завидуют. Бере-
гись, сглазят. Никто, кроме лучшей подруги Варвары, правды не скажет, но завидуют, подра-
жают и, чем дальше оказываются от идеала, тем хуже о нем думают.

«Пожалуйте в реанимацию, – кисло думает Алена. – Я еще котируюсь в виде образца
для подражания». И вдруг понимает: свершилось! Как жаль единственного отпущенного ей
мига озарения. Может, она поняла бы нечто более нужное душе, чем смысл Варваринoго трепа.
Купилась, идиотка. А Варвара просто готовится хвастаться. Вот влeпит еще пару комплимен-
тов и начнет. Так хлещут в парной веником по чужой нелюбимой спине – безнаказанно, грубо,
злорадно готовясь ответить на неизбежное «спасибо» двусмысленным «всегда пожалуйста».
Да, после самоуничтожения хвастовство приобретает пикантный вкус. Вкус, будь он неладен.
Рыба, жаренная на сливочном масле с луком, по вкусу напоминает грибы... Растительного
масла Алена не выносит: когда-то хлебнула в потемках из бутылки, перепутала с лимонадом...
Она стонет и зависает над раковиной.

– Ты не беременна? – искренне оживаетeся Варвара.

– Одинокую женщину спрашиваешь?

– Женщину спрашиваю.

– Я умираю, Варька.

– Ничего, я после трех абoртов жива. А ты один как-нибудь выдержишь.

Алену скручивает выполосканной наволочкой. Ее рвет желчью.

– Благодари голодания, йогу, доклады, командировки и любовников, – торжествует Вар-
вара.

Алена открывает кран и плещет на горящие щеки ледяную воду. Достает из холодильника
минералку, пьет, вяло размышляя, удастся ли убить Варвару, если прицельно швырнуть в нее
стакан.

– Благодарствую, подруженька, за сочувствие. Какая удача, что ты у меня есть. Давай еще
кофе, и покурим, – наконец выбирает она реакцию. От бессилия.

– Тебе не вредно? – опасно для своего здоровья ехидничает гостья.

– Все, что со мной происходит, так и задумано и мне на пользу, – пытается взять реванш
еле живая хозяйка.

– Я вижу, вижу.

Алена ее уже не слушает...

Вначале Аленыны задатки мать определяла словом «бесстыдница». Выдворят Ольга с
коллегой, заглянувшим только на полчаса, Алену на улицу под ее нарочито гнусавое нытье:

– Там гулять не с кем.

– А вон какие-то девочки играют, – кивнет в окно мать, прижимаясь к очередному лысе-
ющему принцу. – Подружись с ними.

– Сама попробуй, – заворчит Алена, хлопая дверью.

Минут через пятнадцать неудовлетворенная обнаженная женщина по пути в душ оста-
новится выкурить сигарету у неплотно задернутых штор. Глядь, а во дворе ее дочь бойко раз-
влекается с незнакомыми детьми, да еще и командует ими.

Поссорится ли вспыльчивая Алена с одноклассниками, провинится ли перед друзьями,
мать еще в суть дела вникнуть не успеет, а дочка уже готова извиняться и мириться, каяться и
отвираться. С опаской нелюдимки женщина, выдерживающая только кратковременные связи,

полезет с расспросами к беспринципной девочке. И Алена небрежно поведает, что мнения о ровесниках не меняла – жалки, скучны и глупы. Вины за собой она не чувствует, но знает, что остальные не лучше, поэтому возвращается к привычным гадам и гадинам.

– Как тебе удастся манипулировать людьми, которым ты в подметки не годишься? – растерянно возмущалась Ольга.

– Представления не имею, – честно информировала дочь и уходила к этим самым людям. А ночью исписывала дневниковые страницы честолюбивыми глупостями.

Было в ней некое сочетание жутковатого и забавного, было. Алена умела выбиваться из сил, чтобы понравиться, изменить первое впечатление о себе на противоположное или, наоборот, усилить. А потом возвращала отношения в зачаточное состояние, чтобы, потрудившись еще, добиться какого-то нового оттенка в них. Человек получал от Алены то, что мог вместить, а отдавал то, что Алене хотелось.

Она же сама в те шальные детские времена мечтала быть для всех достойным образцом. Но статичность живого примера ее угнетала. И в юности Алена возжаждала лидерства. Ей ничего не требовалось, кроме людей вокруг себя. Хотя она рано сообразила, что они – самое рискованное вложение души и денег.

Но Алена никогда не знала жадности, не страдала быстрой утомляемостью от чужих проблем, напротив, готова была избавлять от них каждого и умела любить без оглядки. И еще не имела представления о таком интересном чувстве, как стыд. Она полагала, его испытывают лишь типы, делающие что-то противоестественное. Итак, лидер ведет туда, где всякий, поверивший в него, сам станет образцом. Сплетя свои прошлые и нынешние устремления так ловко, Алена даже не умилилась. Подумала: «Я просто развиваюсь, это всего лишь норма».

Одержимая наивной идеей самодостаточности, зависимости будущего от ума, таланта, силы воли и здоровья, она была великолепна и притягательна. Алена была самоуверенна до такой степени, что ей всегда и во всем везло. И ее не трогало пренебрежение тех, кто с младых ногтей уверенно называл цену своего великолепного и чьего-то сносного будущего в связях и деньгах. Она собиралась их перегнать и доказать не одно свое превосходство, но главным образом зависимость будущего от ума, таланта и так далее.

Алена охотно философствовала. Лидер, мол, обязан собой показать, что там, куда он стремится, лучше, чем где-либо. Кто-то удовлетворится половиной пути – мне сойдет – и начнет следить за лидером издали с обожанием. Кто-то упадет – хочу, но не могу – и станет завидовать. Одного лидер не имеет права допускать и мысленно – обгона самого себя. Он должен начинать вместе со всеми. Потому что за получившим фору на старте бегут лишь авантюристы, надеющиеся словчить на этапах. Лидеру приходится казаться тем, кто сзади, достигаемым, ибо он немислим без последователей и преследователей. Но пока толпа мечтает о грядущих победах или богатстве, лидер должен совершенствоваться. Все-таки Алена умница. Так напряженно размышляла. Так много смолodu знала. И такой дурой при этом была.

Лет пять назад ее начали обходить. Она было поднатужилась, обрадовавшись мощным соперникам. Но быстро поняла, что с ней нечестно состязаются. Торгаши обходили, бездарные льстецы, блатные нахалы. И если бы по одному. Это Алене даже нравилось. Во-первых, преодолеть кого-то гораздо увлекательней, чем себя. Во-вторых, самолюбие меньше ранится о единственного победителя. Но они шли косяком. Толкали в спину, ставили подножки, выкручивали руки. И никто, кроме самой Алены, не возмущался. Напротив, восторгались новыми чемпионами. «Может, я придумала свою исключительность? Может, они действительно талантливее и достойнее?» – задумалась Алена. И, единожды усомнившись, немедленно сошла с дистанции. Мимо шустро прошмыгнули ее ведомые. Если и помахали руками, то издевательски. Им было все равно, за кем мчатся, лишь бы к собственному благополучию.

Три года она была толстой и равнодушной. С мужем разошлась. На какой-то работе бумажки перебирала, да так тупо. Друзей растеряла. И, чем больше читала, тем безысходнее

казался тупик: все уже было, сильные люди проигрывали слабым, умные глупым, и никто не мог толково объяснить почему. Но, когда горькое отчаяние уступило безвкусной обреченности, жить захотелось, будто перед смертью. «Я лучше, – заговаривала она себя, – я лучше, объективно лучше». Алена с трудом, но четко разграничила, что зависит только от нее, а что нет. В активе оказалось не так уж много: чистый уютный дом, привлекательная внешность, живые эрудиция и интеллект.

С почти прежней смелостью она бросилась крушить свои неприятности. Красивая, умная и битая Алена. Через шесть месяцев физическая и умственная форма была восстановлена. Более того, неумное чтение даром не прошло: ей самой с собой стало интереснее. И сразу вокруг зашевелились люди. Старые знакомые, которых прежние кумиры успели отшвырнуть за ненадобностью, возникали на улицах и на пороге. Новые не без удовольствия к ним ревновали. Но ей уже было мелко. Понимала: бросят в любую минуту, стоит только властным и денежным бабам скосить на них глаза.

Тогда Алена начала воображать недостижимое. Она проигрывала ситуации нормального будущего, которого у нее не было. Не потому, что быть не могло. Дело было не в ней, а в окруживших ее снова. Надрывные усилия, которые требовались для реальных побед, могли их отпугнуть. А сил, потраченных на сокрытие усталости, могло не хватить для радости. Радость тоже штука энергоемкая, но если ты ее не излучаешь, одиночество неизбежно. Алена же от него слишком устала.

Было и кое-что новенькое. Алену тянуло смеяться над предавшими ее и одновременно чему-то их учить. Она пустилась во все тяжкие. Приятелям живописала важные совещания. Сослуживцам – чарующе верных друзей. Одной темы никогда не касалась – секса. Но эта скрытность шла ей только на пользу. Она питала убогую в общем-то фантазию слушателей. «Хоть в каком-то виде приобщайтесь к творчеству», – думала Алена и уже не улыбалась.

Она не боялась быть уличенной. Ведь, если люди догадываются, что им лгут из желания скрыть свое ничтожество, оправдаться или попрошайничать, они становятся безжалостными. И азартно ловят обманщика на слове, тычут хитрой мордой в несоответствия, клеймят позором. Но стоит людям хотя бы заподозрить, что им лгут из нежелания акцентировать их ничтожество, как они готовы верить любой лжи. Алена называла это самосохранением нервных клеток, без определенного количества которых не возникает чувства собственного достоинства. Первые три года она рисковала и лгала по первому варианту, чтобы острее ощутить унижение и расплатиться за амбиции. Но слишком хорошо выглядела, чтобы ее раскусили. Теперь в ход шел лишь второй вариант. Надоело и это. Алена постоянно и неустанно искала кого-то, кому врать не нужно. Бывают же доверительные отношения. Не нашла.

Народ снова бежал за ней, но близко-близко. Оторваться, как раньше, она не могла. Их разделяли пятнадцать килограммов веса, два-три гриппа в год, книги и музыка, неприложимые к быту. Стоило им похудеть, начать закаляться, ходить в библиотеку и консерваторию, они ее догнали бы. Везение иссякло даже в мелочах: то кошелек украдут, то в магазине обсчитают, то нужный человек уйдет за пять минут до Алениного прихода. Словом, люди догоняли ложь. Они стремились в то место и состояние, где им было бы так же плохо, как самой Алене. Но дать себя обогнать она по-прежнему не могла. И уже машинально твердила свое «я лучше». «Переоценил ли себя, недооценил ли, все равно замкнешься в кругу подонков», – думала Алена. Она уже не верила в объективность ни собственных, ни чужих оценок.

Тогда Алена попробовала не сравнивать себя с другими, а вспомнить о морали и нравственности. Оказалось, что такой подход вообще исключает соревнование и лидерство. Надо бежать не впереди, а навстречу. Брать под руки, сажать на шею и тащить, по пути часто останавливаясь и нервно спрашивая: «Вам удобно? Вам хорошо?» На такое Алена не решилась бы ни за что. Потому что сама никогда ни на ком не ездил. Но после этих открытий лидер в ней погиб отнюдь не геройски...

- Ален, у нас дед умер, – потушив сигарету, заканчивает какой-то монолог Варвара.
- Когда? – довольно быстро откликается подруга.
- В среду. Уже похоронили.

Алена соображает, нужно ли обижаться на то, что в такой важный момент про нее забыли. Она с первого класса знала этого дедушку. Решает, что условия диктовал Павел, и можно только благодарить его за избавление от необходимости тащиться на кладбище и хлебать водку на скудных поминках.

- Тебе соболезнования выражать или поздравлять? – прямо выясняет она.

– Не имеет значения. Квартира теперь наша! Господи, наконец-то сами себе хозяева! Ну, я побежала. Дел невпроворот, сама понимаешь, – соскакивает с насиженного табурета Варвара. Но прежде чем кинуться в прихожую, оглядывает стол и запихивает в рот крупные крошки пирожного. Затем цепко хватается персик, от которого отказалась Алена: – Сынуле возьму. Ему витамины нужны.

Варвара уходит. Похвасталась. У нее тоже есть однокомнатные изолированные хоромы. Догнала. Настигла. Поравнялась.

- Счастья тебе, одноклассница, – бормочет Алена, моя чашки.

И не слышит себя.

Глава 3. После смерти

Когда дед умер, Варвара сказала: «Наконец-то», ее мама: «Господи, неужели мы действительно отмучились», а Павел: «Лучше поздно, чем никогда».

Дед перестал дышать в среду, между девятью часами утра и пятью вечера, пока Варвара и Павел были на работе. Они вдвоем кинулись в детский сад за сыном, отвезли его к тетушке Павла, вернулись и позвонили Варвариной матери в надежде на толковые руководящие указания. У не обремененной родственниками женщины отец был первым «своим» покойником за последние тридцать пять лет, и знала она не больше дочери. Но обещала посоветоваться с подругой Лялей. Через пятнадцать минут трубка озвучила ее приказ вызывать скорую. Еще через час в кухне сидела сама пятидесятилетняя Ляля, с явным трудом дотянутая до стандартной приятной внешности опытными косметичкой, парикмахером и закройщиком из районного ателье. Не тратя сил на соболезнования, она громко сетовала:

– С вами только умирать. Не похороните по-людски, не помянете.

Умелица по фамилиям перечислила немало мертвецов, отправленных под кладбищенские березки чин чинном, снаряженных в последний путь с ее неоценимой помощью. Она не забыла отметить влияние некоторых из них при жизни, и Варваре с Павлом в голову пришла мысль, что им чудом достался специалист экстра-класса.

– Учитесь, молодежь, – призвала Ляля.

И стремительно перешла к делу. Варвара записывала ее наставления в блокнот с рецептами домашних тортов, постоянно валявшийся на кухонном столе. Ляле такая основательность понравилась. Она начала диктовать свои ритуальные заметки медленно и торжественно. Закончив диктовку, осталась ужинать: пила водку и отрывала фильтры сигарет под признание: «Я иначе не накуриваюсь».

Павел, взбодренный спиртным, назвал Лялю надеждой и опорой. Потом вознамерился было доверить ей, и только ей собственные похороны, но, осознав разницу в возрасте, суеверно постучал по дереву. Выдворив даже не захмелевшую от полулитра сорокаградусной распорядительницу по призыванию и директора хлебозавода по должности, он игриво и легко толкнул жену на диван:

– Теперь мы можем заниматься любовью с опущенными ушами.

Еще невозможно было поверить, что дед перестал шаркать мимо их постели в туалет четыре раза за ночь.

Утром они взяли отгулы и заматались по городу. Свидетельство о смерти, справки, разрешения и квитанции попадали в тиски бумажника. А отложенные дедом на похороны и щедро добавленные Варвариной матерью червонцы освобождались из них. Павел четко следовал указаниям Ляли: «Дедулю вашего в гробу увидят пять стариков из трех подъездов. Поэтому не выпендривайтесь, берегите деньги. Они ведь только живым нужны». И если Варвару еще заносило то к венку «посолидней», то к свежим крупным гвоздикам, то ее муж экономил жестко и успешно. В пятницу, после поминального обеда, началась их новейшая жизнь – с бутылки шампанского на двоих.

– Давай уж еще раз деда вспомним, – слезливо предложила Варвара. – Может, ему чего-то не хватало? Ну, там, тепла, заботы?

– Положено внучке после похорон, да? – иронично усмехнулся Павел. И не выдержал, разозлился так, что даже побледнел: – Давай вспоминать. Был старик накормлен, обстиран, гулял, читал, телевизор смотрел. С правнуком общался, заметь, не возился, только болтал, когда скука накатывала. Мне бы так пожить на старости лет. Кстати, мать твоя молодец. Вела себя честно, скорбь не изображала, последнему своему мужу улыбалась ласково. А ты на меня зыркала, будто я деда мышьяком на досуге потчевал.

– Она люто его ненавидит. И никогда простить его не сможет, – обиделась на сравнение и поморщилась от словечек «зыркать» и «потчевать» Варвара. – Говорит, он бабушку в гроб уложил на полвека раньше положенного – бил, изменял, пил по-черному. Только язва его угомонила. А мама наполовину сиротой выросла.

– Вот и осуждай хамящих тружениц райсобесов, – искренне хохотнул Павел. – Стоит толпа божьих одуванчиков, небрежно прикрывает сволочизм морщинами и требует в один голос уважить и пожалеть. А кого они жалеют? Над родными издеваются, ясно соображают, что заслуживают от них только проклятий. Так пусть чужие по долгу службы воздадут им за трудовой стаж и прожитые годы.

– Им, наверное, тяжело стоять в громадной очереди. Ноги болят или поясница, – возразила жена. – И нищета доканывает. Протяника месяц на пенсию. Это сейчас она сто двадцать рублей, да и то не у всех. Если доживем до семидесяти, пойдем, чего ветоши хочется.

– Мне захочется сдохнуть, – уверил ее муж. – Слушай, хватит. Давай радоваться свободе.

– Под музыку, – сдалась Варвара и открыла крышку проигрывателя.

В конце концов, дед-то был невыносимым. Он не желал бесшумно дрыхнуть в кресле возле батареи. Ел мало, но горячо обсуждал домашнее меню и возмущенно отодвигал от себя яичницу. Говорил, что эту дрянь сам себе может пожарить. А на самом деле и чаю требовал налить и принести из кухни. Почти не выходил на улицу, но настойчиво советовал, во что одевать ребенка. Свои истерические требования он аргументировал оттенком вчерашнего заката. Донашивал штопаное тряпье и категорически отказывался от подаренной одежды. Зато безжалостно критиковал любую Варварину обнову. Ежедневно в шесть утра он появлялся из-за шкафа, где стояла его раскладушка, и злорадный визг губил молодой сон:

– Подъем! На зарядку становись! Обществу и сыну вы нужны здоровыми и бодрыми!

Прокричав команды, дед тактично выжидал ровно двадцать минут. Потом вступал во владение единственной комнатой. Варвара и Павел требовали оставить их в покое. Старика это только подстегивало.

– Дай вам волю – жизнь проспите. Вот ты, аспирант хренов, почему диссертацию не пишешь? – вопрошал он стоявшего в трусах Павла.

– Писать? Да я не могу думать в таком бедламе, – озирался в поисках тапочек Павел.

– Ишь ты какой! Не нравится дома – отправляйся в библиотеку. В читальный зал. Интерес к делу в тебе нет, паразит. Ты гением себя вообразил, поэтому полез в науку. А на прогресс человечества тебе наплевать.

Павел скрывался в ванной, кляня и человечество, и прогресс на все лады.

– Ленъ – это недоносок равнодушия, – напутствовал его дед.

Павел спускал воду в унитаз. Варвара, миновав краткий этап скулежа, рыдала в голос. Дед принимался за внучку:

– У тебя не дом, конюшня. Подружки-шлюшки, сплетни да развлечения на уме. Если бы мы такими были, социализм бы вам не построили, фашиста не забили бы.

– Я работаю и на работе устаю. Я к кастрюлям уже намертво приварилась. Мне отдых нужен, – отбивалась Варвара.

– Не любишь ты никого, кроме себя. Мы тебе не нужны, мы вечному удовольствию мешаем, вот в чем причина, – орал дед.

Ребенок просыпался, молча озирался какое-то время, затем прятал косматую головенку под одеяло и тихонько ныл. Подбегала Варвара – не одетая толком, распухшая от слез, – ласкала, больно прижимала к себе.

– Дедуля! – вырываясь, звал мальчик.

– Ах ты, предатель! – Материнская рука не щадила тощенькой попки сына.

Дед отнимал его, нес, как трофей, в свой закуток, ворча: «Дрянь, а не баба».

Однажды после ужина Варвара спросила:

– Тебе не стыдно за утренний скандал?

– Я правду говорю, – насупился дед.

– Ты не имеешь права на нравоучения, – жестко откликнулась внучка. – Чем в молодости куролесить, берег бы жену, воспитывал дочь личным благородным примером. Она меня, я сына, так и шло бы без натуги и ссор. Праведник выискался! Строитель социализма! Как ты его строил? На завод ходил и норму выполнял? Так весь мир ходит и выполняет.

– Да мало ли что молодой наворотит? Вечно попрекать этим, да?

– У нас тоже молодость! – рявкнула Варвара.

Дед заплакал. Внучка зажала ладонями уши. Она уже жалела о сказанном. Ей всегда становилось не по себе, когда старик ревел, и из носа у него подтекало, как у сына.

Самое же неприятное заключалось в том, что Варвара и Павел давненько научились прикрываться дедом. И признание за собой этого грешка мешало Варваре обличать с наслаждением. Скажем, оставался Павел дома ремонтировать вешалку. Отсыпался, слушал магнитофон, пил пиво. До отвалившихся крючков руки не доходили.

– Ты ничего не сделал? – изумлялась жена.

– Он мне мешал, – жаловался муж.

Но Варвара знала, что в десять утра дед отправился в поликлинику и еще навестил какого-то Сергеича. Отмалчивалась. Ибо, по счастью оставшись одна и принеся ужин в жертву библиотечной книжке, сама импровизировала:

– Он довел меня до истерики. Ни на секунду не замолкал. Какая уж тут готовка.

При этом она почему-то злилась, когда Павел грубил деду или расписывал отвратительное житье с ним приятелям. Дед был свой, этого ощущения Варвара передать не умела. И бросалась иногда на защиту мучителя:

– Еще неизвестно, Пашенька, как бы мы уживались с твоим дедушкой.

– Мой не отказался бы от ветеранской машины и телефона. А твой закоренелый садист что вопил? «Мне ни телефона, ни драндулета не надо. А вы сами наживите, сами заработайте». И потом, мой умер двадцать лет назад, – столбенел от вероломства жены Павел.

Но Варвара никогда не могла вовремя остановиться. И тут ляпнула:

– Повезло ему. И главное, он нам квартиру уже не оставит.

Павел замолчал на месяц. Дед отреагировал – был непривередлив и хмур. Но страсто-терпцы не уживаются вместе. Ибо страдание эгоистичнее радости. Сорвалась Варвара.

– Ради чего я терплю? Меня скоро муж бросит из-за твоего ужасного характера. И правильно сделает, – накинулась она на деда. – Признайся, наконец, что ты этого добиваешься. Тебе любая нормальная семья поперек горла.

– Да пошел твой никчемный муж сама знаешь куда! – крикнул дед. – Не будет от него проку. Он обязан целый день читать по специальности и писать, читать и писать. А ночью или садик охранять, или вагоны разгружать. Но не сидеть у бабы на шее.

– Зачем? Три года его аспирантуры мы подождем, – застонала Варвара.

И с облегчением ринулась к Павлу извиняться и подлизываться.

Старик же придумал новую пытку.

– Женюсь, – мечтал он вслух после святой для него программы «Время». – Приведу хозяйку, вас отправлю к матери. А сожитель ее пусть убирается, если ему в двухкомнатной с вами тесно.

– Между прочим, мы здесь прописаны, – огрызалась Варвара.

– Выпишу. С чего это я сам у себя угловой жилец?

– Не-ет, вы не угловой жилец. Вы палач по натуре. И ненавидите наше стремление жить по-нашему, – отводил душеньку Павел.

– Вот что, примак, внучкин муж, я тоже хочу жить по-моему. Ты об этом не догадываешься? У меня есть изолированная квартира, пенсия и здоровье. Но я терплю вас черт знает

почему. Вы как тут оказались-то после свадьбы? Заявилась доченька, которую я последние годы только во сне видел: «Отец, я замуж выхожу. Мой единственный и последний шанс. Умоляю, пропиши к себе ребят. Ты один, уход может понадобиться. Мы же не чужие с тобой. Со временем им жилье останется, они всю жизнь добром тебя будут вспоминать». Я, дурак, кивнул, вместо того чтобы к Марье Кирилловне бежать свататься. Мне тогда всего шестьдесят семь было, чем не жених.

Дед вздыхал и надолго уходил во двор. Варвара и Павел сидели не шевелясь. Обоим мерещилось, что он уговаривает какую-нибудь соседку перебраться к нему, обещая квартиру ее детям или внукам. Желание вырыть землянку разрасталось в них до опасной мании.

За год до смерти деда им показалось, что он лишился рассудка. Девятого мая старик рассказал правнуку, что двух пальцев правой руки лишился на войне, но не в бою. Сам себе отрубил в конце сорок третьего, чтобы не слали больше под пули. Чтобы довести домой медали на живой груди.

– Маразматик! – голосила Варвара. – Не позорься и нас не позорь! Мальчик тебя героем считает!

– Это правда... Жизнь... Время, – снова заладил дед.

– И не совестно вам? Другие гибли за Родину! – вырвалось у Павла.

– Щенок несамостоятельный! – рявкнул дед.

Павел увлек ошарашенную Варвару в кухню и тихо забубнил:

– Грязная же у служителей культа работа. Чего только не наслушаются на последней исповеди от уважаемых добродетельных людей.

– При чем тут священники? – простонала Варвара.

– Так он верующий, славный твой дедок. По несколько раз в год отправляет какие-то письма в церковь родной деревни. Разве ты не знала?

У Варвары не хватило сил даже ответить: «Нет».

Похоронив деда, они сделали ремонт. За два дня. Трудились днем и ночью. Не ели и не спали. Распахнули тайники, извлекли новые шторы, пледы, вазы, лампы. Дед определял все это словами: «Лишь бы деньги тратить». Он неделями нудил по поводу любой симпатичной безделушки. Легче было сразу прятать от него купленные вещи.

Не чувствуя усталости, муж и жена вприпрыжку бежали со свалки. Они дождались темноты и доверху забили вонючий мусоросборник обрывками обоев, жестянками от краски, блеклыми простынями, дедовскими брюками и рубашками. Жильцы становились хозяевами, угловая однокомнатная квартира любимым домом. Ребенку оборудовали рай за шкафом с кушеткой, узким стеллажом, торшером и игрушками на подоконнике.

– Всего-то и надо было, чтобы он исчез. Я теперь не брошу камня в отравителей престарелых родственников, – весело рассуждал Павел.

– А у меня гадко на душе, – вновь понесло недалёковидную Варвару. – Может, о членовредительстве он в помутнении разума сказал. Ведь награды боевые были. Человек работал, воевал, работал... И скончался на раскладушке.

– Сам виноват. Надо было завоевывать и зарабатывать. Жил не для себя, не для семьи, а для государства. Пусть теперь оно и скорбит по своему верному рабу.

– Пашенька, тебе его нисколько не жаль? – У Варвары задрожал голос. Наверное, в последний раз она чувствовала, что дед свой. Вернее, был своим.

– Варенька, – грустно, будто через силу, отозвался Павел. – Ну ладно, отравила ты мне сегодняшнюю радость. Тебе мало печатных нравоучений всяких представителей рода человеческого? Ты тоже хочешь учить нравственности? Зачем? Зачем остатками наших судеб доказывать, что твой дед был всегда и во всем прав? Он нас третировал, он измывался годами, Варя, годами.

– Что ты подразумеваешь под «зарабатывать»? Составлять липовые отчеты ради премий? Вставать гегемоном к станку, получив красный диплом инженера? Таскать что-то с завода? Воровать продукты на кухне детского сада? Брать взятки? Создать подпольный ночной цех на фабрике? Так это изобретения последнего времени. Дед был обычным электриком какого-то высокого разряда. Он о теперешнем разврате и не догадывался, – упрекнула Варвара. – А мне нехорошо. Я боюсь. Завтра начнется счастье – долгожданное и рукотворное. – Она мрачно оглядела преобразившуюся комнату. – Только я какая-то вчерашняя. Неужели мы ждали его смерти, чтобы спать в выходные до полудня, ругаться не шепотом, а во всю глотку и постоянно отрываться от малыша: «Иди, играй сам»?

– Все-таки ты претендуешь на вакантное место бабушки. Тогда для затравки не оставляй посуду невымытой до утра, не жги котлеты и не болтай часами по телефону.

– А ты работай над диссертацией, хватит прятать чистую бумагу под журналы. В сущности, дед не мешал тебе писать.

– И вести хозяйство, и вовремя забирать ребенка из садика. Вот с Аленой шлаться по барам и киношкам мешал. Но в этом вопросе я с ним солидарен. Привыкла валить все на старого маразматика: «Ох и ах, он меня раздражает, я постоянно не в настроении, руки опускаются».

– На себя посмотри! Через день расслабляешься с друзьями: «Он меня угнетает, домой ноги не несут». Верю, в кабаке интереснее, чем с семьей.

– Да, ты его внучка, – удивленно констатировал Павел.

– Я твоя жена. Поэтому давай решать. Либо живем, как жили, и без претензий. Либо вместе начнем все сначала в новых условиях. Иначе кто-то из нас неизбежно окажется в роли моралиста, не имея на то морального права.

– Долго составляла фразу, зубрила ее, готовилась блеснуть?

– Прекрати насмехаться надо мной, – шмыгнула носом готовая разрыдаться Варвара. И совершила роковую ошибку, вспомнив: – Алена ведь меня предупреждала. Квартира дедова, говорила, ты дедова, а Пашка твой. Как ни трудно, но все расставлены по местам. Умрет старик, наваясьетесь до мордобоя, кто в доме хозяин.

Павел вскочил, достал дорожную сумку и начал швырять в нее футболки из шкафа. Опять Алена влезла с комментариями. Вытворяет, стерва, что хочет, и никакой на нее управы.

Едва женившись, он оценил влияние подруги на Варвару и старался это использовать. Нужно было всего-то соглашаться с его требованиями к жене. Но Алена твердо посоветовала ему не воспитывать нормальную трудящуюся женщину и мать, а разделить с ней домашние обязанности. И конечно, рьяно пахать во славу науки и на благо семьи.

– Ты не хочешь ей добра, – возмутился Павел. – Равноправия в браке не бывает, от множества вольных привычек замужней надо отказаться. Ничего трагического в этом нет. Вот это объясни Варе для ее же блага.

– Я буду разговаривать с подругой не по твоим конспектам. Я с ней знакома на двадцать пять лет дольше, чем ты, – нажила себе лютейшего врага Алена.

Она еще верила, что замужество замужеством, а дружба дружбой. С тех пор Павел боролся с ней за Варвару любыми способами – шантаж (или я, или Алена), подкуп (будут тебе сапоги, если с Аленой в театр не пойдешь), клевета (Алена проститутка, одна ты еще не в курсе). И неизменно побеждал.

И на сей раз, принявшись за носки, он удовлетворенно заметил выражение страха на осунувшемся лице жены. Лишиться мужа теперь, когда дед упокоился, было невыносимо. Варвара злилась на себя. Опять Алену процитировала. Кто за язык тянул? Да, подружка у нее умная. Но она может обходиться без семьи, а Варвара нет. Зажмурившись, женщина повисла на мужчине.

– Мне было невозможно терпеть выходки чужого злобного старика. Но ради тебя и сына я вынес все, – четко и горестно сообщил Павел.

«Алена не только заставила бы его самого вернуть тряпки в шкаф в идеальном порядке. Еще и дала бы по морде за дешевый пафос. И кукует одна. Нет, я окажусь сильнее и хитрее», – невесело подумала Варвара. И, ощутив тяжелеющие руки Павла на своих бедрах, глубоко вдохнула и запрокинула голову:

– Поцелуй меня, любимый.

Глава 4. Жена негодяя

Алена домывала посуду. Сейчас ей хотелось, чтобы Варвара забегала не только покутить. Могла бы проводить ее, навестить, каким глаголом у хороших друзей определяется тяга видаться и искренне разговаривать? В людях, как стрелки векторов, топорщатся порывы. Варвара не из тех, кто следует любому. Ее всегда направляет только результирующий. И никто толком не знает, слагаемым чего он является. Алена иногда говорит, что это – интересы самой Варвары, плюс интересы Павла, плюс интересы ребенка. Больше ничего, никогда, ни при каких обстоятельствах. Видимо, она не сильно ошибается. Потому что скрытную Варвару это оскорбляет.

Надо же, дед ее умер. А казался вечным. Мучительно им жилось в тесноте и обиде. Варваре наверняка его жалко: она часто повторяла, что чувствует себя оккупанткой. Только куда им было деваться? На улицу? Алена ведь тоже нервами заплатила за свою изолированную однушку. Как вспомнит Алевтину с ордером в руках...

Алевтина – ее покойная свекровь, мертвая подруга мертвой матери. Их отношения чем-то напоминали Аленины и Варварины. Ольга утешала, наставляла и опекала Алевтину, которая была лет на двенадцать старше ее самой. Сколько Алена себя помнила, эта женщина их не оставляла. Часто приходила в гости и серьезно заботила чем-то мать. Но Алену волновал только ее муж, дядя Стас. Высокий, под два метра, он не был астеником. Видимо, жизнь натренировала его, сделав мускулистым и широкогрудым. И атлетизм в прирожденном, беглым взглядом определяемом сибарите шокировал. Сразу, а не в ходе нудных поисков чего-нибудь интересного в лице выяснялось, что он большеглазый и высоколобый без залысин. Скулы, нос и подбородок были идеальными. Но, чтобы люди на месте не дохли от зависти к совершенству, природа одарила его неяркими узкими губами. Ну и? Они лишь не мешали любоваться блестящими стиснутыми зубами, обрамляя оскал ироничной полуулыбкой.

Алена навсегда запомнила свою первую встречу с красавцем. Стас ярко обрадовался «театральной» Ольге. Костюмерша не костюмерша, но духом особым была пропитана. Он трепался с ней целый вечер. Мать корчилась и рыдала от хохота, виновато поглядывая на суетившуюся с закусками Алевтину. Наконец обаятельный затейник посмотрел на Алену. И подарил ей крыло сойки. Голубые перья мгновенно ввели девочку в транс. Пальцы уродливо скрючились на разноцветном чуде, глаза сами собой закрылись. А из открывшегося для изъявления благодарности и восторга рта неостановимо потекла липкая слюна.

– Господи, что за физиономия? – брезгливо и смущенно воскликнула Ольга.

– Малышка с задатками, – похвалил Стас, – умеет обалдевать.

Мать грубо прошлась носовым платком по лицу дочери. Но на большее в присутствии Стаса и Алевтины не решилась.

Тогда же Алену познакомили с Юрой. Мальчик родился на четыре года раньше, чем она, но был на голову ниже и раза в два тоньше. Он ущипнул ее за локоть, толкнул и крикнул в ухо:

– Чего застыла?

Юра ей понравился.

– Похож на дядю Стаса, – поделилась она дома с матерью.

– Только не это, – испугалась Ольга. – Лучше смерть.

Алена ничего не поняла, но заплакала.

Она разобралась в ситуации через несколько лет. Юра был сыном Алевтины и ее солидного первого мужа, который в одночасье лишился разума. Однажды утром он начал отвечать на вопросы коллег цифрами – номерами внутренних телефонов министерства. Поскольку должность заместителя начальника отдела исключала «шутки-юмор», те вызвали психиатрическую бригаду. Диагноз надежд не оставлял. С ним было невозможно общаться, он тосковал и жил

дома. Когда начинал яриться от одиночества, его запирали в больнице месяца на три. Потом на шесть. На год. Через пять лет он умер. На поминках Алевтина рассказывала знакомым, что у него был свой язык: один номер означал хорошее самочувствие, другой плохое, третий еще что-то. Она уже почти выучила отдельные «слова». Но несчастный стал выкрикивать все удлиняющиеся «предложения».

Алевтина была задумана и осуществлена Создателем невезучей. Эта умная, добрая, терпеливая женщина постоянно становилась объектом злословия. Она была секретарем-машинисткой в непрестижной конторе, брала работу – тоннами листов – на дом, но никогда не получала больше полутора сотен. Ребенок на руках. Больная мать, которой почему-то не начислили пенсию. Напрашивался вывод о замужестве.

– Куда ей! Один женился – симпатичный, с карьерой, но оказался психом. Что и определило его нездоровый выбор, – мерзко острили подруги.

Дело в том, что Алевтина была вызывающе некрасива. Редкие светлые волосы осенней паутиной застилали низкий выпуклый лоб. Глаза, наискосок прикрытые темными веками, чуть синели во впадинах глазниц. С этими самыми впадинами достойно соперничали провалы щек. А рыхлый обвислый кончик носа явно тяготел к узким малоподвижным губам. Она умудрялась пользоваться этой наличностью. Была изящна, всегда держала спину. Делала, мягко говоря, надолго запоминающиеся прически из своего единственного, но очень качественного парика. «Именно я создана для вашей лишней косметики», – уверяла Алевтина, хищно глядя на нетронутые яркие брикетки в наборах приятельниц. Самые бесшабашные тона пудры, теней и помады на обтянутом бесцветной кожей лицевом отделе ее черепа создавали впечатление росписи по живому. И это было сильное, завораживающее впечатление.

Через год она вышла замуж за обаятельного красавца Стаса. Подруги ошалели. Второй мужчина, дошедший с этой уродиной до ЗАГСа, вряд ли тоже был сумасшедшим. «Артист, творец, – вздыхала Ольга. – Он прозревает ее душу, при чем тут оболочка». – «Банальный вор!» – громогласно объявляла Аня, кандидат медицинских наук. Она ежедневно брала из столовой клиники бидон супа, литровую банку молока и полбуханки хлеба. Все заведующие отделениями и главный врач поступали так же. «Девочки, он садист, – боязливо шептала Ира. – Юрочку избивает мокрым полотенцем, чтобы следов не оставалось». Ира лупила своих детей нещадно, но честно – с отпечатками ладоней на мягких местах.

Стас действительно окончил в юности Щукинское училище. Потом отсидел, суд знает за что. И был отправлен на поселение. Алевтина встретила его на улице, когда навещала дальнюю родственницу в маленькой сибирской деревне. Познакомились, выпили чаю. Она дала Стасу адрес, ждала его под гогот подруг и под их же изумленные стоны дождалась. Со временем даже Ольга признала, что Стас дико, запойно пил. Обирал Алевтину. Тунеядствовал. Но Алена так и не поверила этому до конца. Из-за царского подарка – крыла сойки, из-за фразы про малышку с задатками и более ужасные рассказы о выходках Стаса казались бы ей клеветой. Алена упрямо полагала, что все бабы люто завидовали Алевтине и были влюблены в Стаса, который не отказывал себе в удовольствии насмехаться над ними. Наверное, они слишком энергично завидовали и слишком пассивно любили. Стас повесился, оставив жене записку: «Аль, люблю, но скучно, как скучно».

– Он был негодяем, – утешала Алевтину Ольга.

– А я женой негодяя, – рыдала дважды вдова. – Как же я без него?

Юра тем временем вырос. Его считали не совсем нормальным и часто шепотком тревожили имя отца. Он мог сутками голодать, скакать по Красной площади на одной ноге и чисто исполнять прохожим с балкона арию Герцога из «Риголетто». Подруги были в очередной раз удивлены, когда его взяли в армию.

– Я сто раз предлагала Альке консультацию хорошего психиатра. А она не понимала зачем. Я ей – наследственность, она мне – иди к черту. Значит, действительно ничего особенного у мальчика с головой? – разочарованно спросила у Ольги Аня.

В казарме Юра остро заинтересовался способами членовредительства. Он написал матери письмо, в котором невинно посоветовал раскрыть на определенной странице толковый словарь. Там она и обнаружила ужасающее слово на букву «Ч». И дальше упоенно излагал, как его поддерживает новое знание и бодрит открывшийся выбор. Алевтина боялась за него все два года.

Но Юра предпочел дослужить здоровым и невредимым. Вернувшись, привел в дом друга-стихотворца: «Мам, он гений, пусть живет с нами». Вскоре поэт ему надоел, был объявлен прожорливым бездарем и услан неведомо куда. Тогда Юра привел молодого доберман-пинчера. Пес тешил его чуть дольше. Наконец, он привел женщину, которая сама сбежала через год. Алевтине неведомо было кормить добермана, и она задумала подарить его Алене. Та явилась «взглянуть на собаченцию». И осталась с Юрой. Она до ночи обдумывала его вопрос, куда податься, если от коллектива тошнит. В итоге оба подались на тахту.

Ольга завывала в голос, узнав о замужестве дочери. Алевтина же, суеверно молча задыхаясь от радости, надеялась на то, что отличница Алена вразумит ее бесшабашного сына. Вышло наоборот. Юра одним махом вышиб из девушки праведный дух. Они много пили и развлекались, ходили голодными, истрепывая польские джинсы и вьетнамские кеды, по дальним и ближним интересным местам, читали полные собрания сочинений классиков, «Новый мир», «Иностранку» и трепались, трепались, трепались. Хотя тогда казалось, что делятся сокровенным, тем, что остальным в забитые тряпками и жратвой головы никогда не взбредет. Главное разногласие выявилось не сразу. Алена хотела оставить след на Земле. Юра стеснялся осквернить собой Землю. Алена и теперь думала, что им удалось бы прожить вместе много лет, возбуждая друг друга упрямством и сарказмом. Если бы не Алевтина...

Алена изучила ее лучше, чем все подруги, вместе взятые. Она трудилась до обмороков, но мыкалась в беспросветной нищете. Ее зарплата до копейки проедалась сыном, матерью и доберманом. Алевтина мама стала для Алены открытием и потрясением. Тучная, не вставшая с кровати старуха никогда и нигде не работала и не оформляла отношений ни с одним из десятка своих мужчин. Она днями и ночами восседала на перине, слушала радио и о чем-то мечтала. Ум у нее был ясный и острый, глаза печальные, ноги вполне пригодные для ходьбы с любой скоростью.

– Мне некуда, не к кому и незачем идти, – проинформировала она Алenu в ответ на незатейливый совет выползти хоть во двор. И извлекла из-под подушки очередную книгу. Внук раз в неделю менял их в районной библиотеке. – Я, детка, охладела к жизни. Но не могу позволить себе умереть: бедняжка Алевтина и так слишком часто тратится на похороны. Кормить меня дешевле. Я толста не потому, что прожорлива. Обмен веществ нарушен, как говорится, окончательно и бесповоротно.

Юра водил по лесу группы здоровья по субботам. Получал на дешевые сигареты. Пил за счет друзей. Впрочем, он отработывал портвейн гитарой, стихами и анекдотами.

Мать и сын полагали, что ничего не должны Алевтине. Ну, не накормит, ну, сдохнут с голоду. Не все ли равно, когда и от чего умирать, если существование мизерно и рутинно? Может, они подсознательно стремились к небытию? И старуха, и парень все ждали от кого-то знака – гласа или видения, который однажды укажет смысл жизни и дальнейший путь. Казалось, в разгар именно этой истерики, на пике именно этой депрессии им откроется нечто. Но Всевышний благоразумно не метил их тайными печатями. И им пусто жилось.

Алена так не могла. В отличие от их вакуума, где все равновесны, ее пустота была исполнена мириадами возможностей. Она и ощущала-то ее, как муку выбора, разрываясь между тем, что хочет, и тем, что должна, что интересно и что полезно. Часто хваталась за все сразу. Но

неизбежно возвращалась в блеклый предрассвет, за расшатанный кухонный стол, где жадно и медленно читала учебники. За это платили. Однако стипендия ее была незначительной добавкой к грошам Алевтины.

Помотавшись с Юрой до изнеможения, Алена устроила его дворником. И пока муж не нанылся вдоволь, колола за него лед и таскала из подъездов ведра с отходами. Приспособила бабулю раскрашивать пупсиков – две голубые точки глаз, одна красная рта и желтый мазок челки. Транспорта для надомников у фабрики игрушек не было, и Алене приходилось возить мешок с куклами через весь город. Но скоро нашелся сосед-шофер, который забрасывал расписанную продукцию по пути на автобазу за ежевоскресную бутылку водки. Алена же отыскивала Алевтине место преподавателя на вечерних курсах машинописи. Вторая маленькая зарплата избавила ее от необходимости постоянно искать рукописи и молотить по клавиатуре сутками. И вовремя – артрит начал жестоко крючить пальцы свекрови. Наконец, освободив для занятий вечера, сама она подалась в раздатчицы еды в трамвайно-троллейбусном управлении – с пяти до семи утра без праздников и выходных.

Конечно, бабушка с внуком, чуть опомнившись, начали скандалить и требовать вернуть их на шею Алевтины. Дойная корова и ломовая лошадь в одном уже покрывшемся морщинами лице не смела возражать. Но беспощадная Алена подавила хорошо организованное восстание.

– Вы не люди, потому что не добываете хлеб насущный, – мрачно сообщила она двум бунтарям. – Живете на содержании и терзаете человека, который вас содержит. Да еще рассуждаете о каком-то ином смысле. Не стыдно попрошайничать у судьбы? Не совестно навязываться высшим силам с ерундой? Вот делать им нечего, кроме как взрослым людям, не инвалидам, не безумцам души настраивать. Сами, милые, все сами, за тем и родились.

Выговаривая, она сгребла в кучу первую зарплату каждого. Пересчитали. Ахнули хором. Бабуля вдруг встала, кряхтя с непривычки, оделась и, как лунатик, поплыла в универсам за батоном и топленым молоком. После этого невероятного события все принялись азартно трудиться. Но денег в казавшиеся уже мозолистыми и умелыми руки не получили. Разве что старухе на вкусное добавилось. Жестоко экономя, Алена собирала на доплату за квадратные метры. Две их комнаты в коммуналке вмещали одну металлическую кровать, продавленную тахту, кушетку, стол, пять венских стульев, маленький черно-белый телевизор и громоздкий древний радиоприемник с отодранной задней панелью.

Через четыре года в результате запутанного обмена со множеством участников появилась небольшая, но в кирпичном доме и с балконом трехкомнатная квартира. Ее мило, непритворливо и дешево обставили. В изувеченных безысходной нищетой старухе и Юре новое жилище как-то не вязалось с дворницкой лопатой, пластмассовыми голышами, курсами машинописи и черпаком для каши в рабочей столовой. Даже замордованная Алевтина считала его чудом и стучала по дереву, упоминая и при посторонних, и при своих. Было видно, что все заметно устали. Алена объявила время мотовства при условии, что семейство продолжит работать, уже не надрываясь.

Они согласились без особой радости. Но вскоре повеселели. Алевтина съездила в Болгарию по турпутевке. Вернулась коричневой и загадочно улыбчивой. Бабуля после хорошего ужина под любимый «Турецкий марш» заснула так крепко и сладко, что ее не добились утром.

– Никогда бы не поверила, что мама умрет довольной, – вздохнула Алевтина. – Давайте ее норму пупсиков вместе по вечерам раскрашивать, что ли.

– А, давайте я один, – проявил благородство Юра.

Он бросил пить с незнакомцами, зачастил на Горбушку, хвастался своими книгами и пластинками, стал ненасытным любовником и легким собеседником. Игра в дворника-интеллектуала ему нравилась. В память о бабушке он честно занимался куклятами, но был уволен за то, что вместо точек рисовал на лицах выражение.

- Признайся, ты ведь надеялась, что из меня выйдет актер или поэт, – сказал он жене.
- Тебе надо учиться, а там посмотрим, – ответила она.
- Но ты меня любишь и дворником?
- Ты не стал бы дворником, если бы не любила.

Алена окончила институт с красным дипломом и поступила в аспирантуру. Победа над нищетой свела ее со множеством новых людей. Они жаждали советов и консультаций. Юра, впрочем, клялся, что ученики предпочли бы толику наличных. Но его циничные насмешки лишь подстегивали Аленино красноречие. Она была так увлечена и занята, что проглядела Алевтину.

Отъевшись, наплескавшись в ванне и приодевшись, та быстро возобновила все свои знакомства. У нее оказалось множество подруг разных комплекций, возрастов и уровней интеллекта. Впрочем, подругами их называла она. Они же определяли ее словом Алевтина, которое произносили с нарочитой ленцой, будто оно не являлось именем. Алевтина доставала для Маши какую-то серую шерсть с лавсаном у Иры, Иру водила на обследование в клинику к Ане, Аню устраивала стричься к Любе и так без конца. Теперь Алена понимала, почему неделями жила у Алевтины, когда Ольга с театром отбывала на гастроли. И почему Алевтина, а не мама целый год таскала ее к ортопеду-стоматологу исправлять прикус.

- Она позволяет на себе ездить! – возмущалась Алена.
- Альтруистка по натуре, – объяснял Юра. – И одинока, время есть.
- Они в большинстве своем неблагодарные твари. Они ее не любят.
- Почему? Поможет, обрадует, тогда любят. И не забывай, она тоже шьет, лечится и достает билеты, хоть в театр, хоть на поезд и самолет, у них.

– Она им платит! – кричала Алена. – А сама за перепечатанные по три раза диссертации их сыночков ни копейки никогда не видела.

– Ты же знаешь, и она, и я не в ладах с арифметикой. Бабуля вообще гордилась своим невежеством в точных науках.

- Это не аргумент, – вздыхала Алена.

Юра умел отвлечь ее от переживаний не только ласками. Зубы заговаривал не менее ловко и страстно. Он развлекался Алевтиниными приятельницами и развлекал ими жену.

- Ты их как безделушки перебираешь, – то ли укоряла, то ли хвалила она.
- Как картошку весной, – смеялся он.

У Алевтины на попечении были еще четвероюродные старые тетки и несколько одноклассниц матери. Надоевший когда-то Юре поэт встречал ее после работы. Жевал испеченные для него пирожки, опорожнял термос с кофе и читал в сквере Блока. Сбежавшая от Юры женщина звонила и пользовалась Алевтиниными знакомствами без удержу.

Свою кандидатскую Алена принципиально выколачивала из машинки сама. Защитилась. Преподавать на кафедре не осталась. Надо было устраиваться на работу. Нацелилась на одно перспективное место. Но без протекции занять его не удалось. Алевтина могла посодействовать. Аня, та самая любительница больничной еды, стала доцентом и обросла восхитительными связями. У ее студентов была завидная успеваемость. Окончивший курс староста всегда предупреждал начинающую группу о цене «экзамена у Аннушки». А излеченные сановные больные, кроме подарков, оставляли «доктору волшебнице» номера телефонов. Та не стеснялась звонить.

Алена помнила, что бедовая врачиха числила ее свекровь в уродках и неудачницах. Стеснялась ходить с ней в кино. Утверждала, что невезение – заразная болезнь. И отваживалась встречаться с Алевтиной лишь после прививки собственными неприятностями. Тут она переставала ругать ее за готовность расшибиться в лепешку ради любого встречного и требовала участия. Но чаще помощи – сбегать куда-то, договориться с кем-то, отстоять очередь, а то и пол в квартире вымыть.

Алена представила, как Алевтина расхваливает сноху и просит за нее эту дрянь. Именно дрянь: уверения свекрови, будто «Анюточка ранимая, хорошая и вынуждена приспособляться к общей жизни», только злили. Чем Алевтина могла расплатиться с Аней? Посулить услуги новой маникюрши? Обоим собственноручно переклеить? Так она делала это для всех, не обременяя их судьбоносными просьбами.

– Не смей никого умолять меня пристраивать. Я сама, – заявила Алена.

Она понимала, что рискует. Перенеси ее Аня через этот невысокий, но коварный барьер, и Алена могла бы резво демонстрировать способности. Упоенно много работать. Творить себя и других. Как легко ей давалось все, что она умела. Как обаятельна она была в этой легкости и в этом умении.

Алена отказалась от Аниного благодеяния не только из презрения к хапугам. Она верила, что сама сможет все. Училась так, что ее не получилось завалить на вступительных экзаменах в университет, а потом не взять в аспирантуру. Да, блат повелевал людьми, они, как Аня, истово ему служили. И Алене уже довелось морщиться от горечи, когда ее сначала обнадежили, а потом забыли сообщить, что предпочли неожиданно возникшего сына какой-то шишки. Но это было что-то вроде закаливания или прививки. Она потеряет год-другой, зато разберется, как верховодить в коллективе, где все мнят себя умниками. Сделает задание на черновик, но только первое и единственное. Именно тогда она осознала, что живет лидерством. Карьера прилагалась к нему, как нечто само собой разумеющееся. Она докажет, что пробиться, куда хочется, можно и нужно самой. Пусть прекратят валяться в толстых старых ногах всяких Ань. Пусть честно борются. И красиво побеждают. Алене тогда было двадцать четыре года. Восемнадцать из них она набивалась знаниями. И полагала, что обрекает лидера в себе на испытание. О его гибели она и думать не думала.

Через месяц после Алениного решения взрывать несправедливость талантом и обаянием Алевтина собралась умирать. Ни с того ни с сего. Она родила Юру в тридцать три года, значит, ей было всего шестьдесят два. Внешне она изменилась мало: старости нечего было портить в ней. Работала, эксплуатируя суставы, удивительным образом восстановившие гибкость, когда их избавили от хронической перегрузки, и отличное зрение. Секретарь экстра-класса. Кажется, уже третий малограмотный начальник поражал высокие инстанции безупречным стилем деловых бумаг. А опытные кадровички повадились спрашивать у девочек с курсов машинописи, кто их учил. Питомец Алевтины брали без лишних вопросов. Свалила ее пневмония. Едва не сгорев в жару, выкупавшись в поту, охрипнув от бреда и лишившись живого места на исколотой коже ягодиц, она призвала Алену.

– Я умру. Не возражай. Это как-то странно и непривычно. Зудит, но не болит, правда. Только что будет с моими подругами? И я тебе не говорила, с одним пожилым, не очень здоровым, но славным мужчиной?

Ее голос был таким, что казалось, будто перо медленно скребет шершавую бумагу и ты просто читаешь с трудом написанное. Алена ощутила холод и жесткость чужого смертного одра и выбрала правду:

– Ничего с ними не случится. Приспособятся, не беспокойся, не трать силы.

– А я хотела завещать их тебе. Уговорить поддерживать, ведь они почти старухи.

Алена растерялась, что случалось не часто. Промямлила:

– Ты пока выздоравливай, а я все обдумаю. Так неожиданно... Такая ответственность... Это же переворот в моей жизни...

Свекровь тускло и долго вглядывалась в нее, будто пыталась узнать. И на следующий день начала поправляться.

Испуганная же Алена надумала вот что. Алевтина, приметив ее увлечение людьми, неверно истолковала. Да, водилось за ней с детства – смотрела не на товар, а на продавца. Зелень и цветы покупала у бабулек, казавшихся особенно жалкими и нищими. Всегда норо-

вила помочь донести тяжесть. Легко срывалась в магазин или аптеку по просьбе больных. Терпеливо выслушивала жалобы и умела подбодрить, распахнув дверь там, где несчастные месяцами ощупывали глухую стену. Да еще и смеялась: «Все преодолимо, если не отчаиваться».

Но для постоянного общения любые люди ей нужны не были. Проблемы большинства оказывались скучными и не решались только из-за тупости и лени. Проблемы меньшинства были неразрешимы, но тогда, по Алене, считать их проблемами могли только дураки. Кто же еще будет клясть данность вместо того, чтобы жить в ней? При неизменной готовности помочь она не жаловала тех, кто требовал помощи, не разбив лба в битве с судьбой.

Алевтина хотела пристроить избалованный ее деятельной заботой народ, чтобы умереть спокойно. Она тоже изучила сноху. Восприняв просьбу как волю умирающей, Алена ни за что не бросила бы трченных годами и недугами, добрых и злых, умных и глупых женщин. И даже одного мужчину. Но служить им, как Алевтина, она не могла. Та вкладывала в своих подопечных душу. Алена же полагала, что люди обойдутся без чужой души. У каждого своя есть. Времени, сил и денег им не хватает. Она не прочь была безвозмездно отдавать свои. При условии, что обделенные жаждут независимости и быстро добьются самостоятельности. Алена научила бы их, как это сделать, повозилась бы с каждым в отдельности. Но вряд ли такая преемница безотказной Алевтины им была нужна. И не Алена от них, они от нее отказались бы наверняка. Доводить дело жизни свекрови до такого конца было нельзя.

Она попыталась объяснить это выписавшейся из больницы Алевтине, которая легкомысленно прерывала разговор. А тут еще с работой не ладилось – устроилась в тухлую контору, обманувшись свежей репутацией директора. Люди из ее отдела умели дружно квасить в предпраздничные вечера. В рабочее же время халтурили и сочиняли липовые отчеты, кто во что горазд. Причем, чем больше этим занимались, тем наглее интриговали друг против друга и тем громче кричали на профсоюзных собраниях об адских условиях своего труда. Алена пока наблюдала, прислушивалась и молчала, скорее от изумления, чем из робости. Происходящее все сильнее бесило. Она была готова не искать единомышленников – кому-то перемены всегда кстати, – а безрассудно восстать в одиночку. Потом Юра изменил ей с какой-то юной идиоткой. Девица являлась скандалить, твердила, что беременна, грозила то любовника убить, то с собой покончить.

– Я решу и дам вам знать, – устало сказала Алена. – Впрочем, уже решила. Вы свободны. Она собрала вещи и ушла к Варваре. Павел тогда был на трехмесячных сборах.

Муж и свекровь приняли ее уход. Разменяли квартиру на две однокомнатные. Оформили развод. Алевтина плакала и извинялась за сына. Убивалась, мол, пропадет, точно пропадет. Алену так и тянуло ей открыться. Юрка стал предлогом, ничего страшного, с ее точки зрения, он не натворил. Обидно, но переносимо. В сущности, Алена развелась с Алевтиной. «Если я сама не пришла к возне с ее бабами, нечего меня подталкивать. Это нечестно – взваливать на человека обязательства, собравшись улечься в гроб», – травила себя Алена, чтобы не вернуться.

О том, что Алевтина умерла, она узнала от Юры, нечаянно столкнувшись с ним в переходе. Ее как раз особенно нагло обходили. Выяснилось, что прирожденным лидером себя считал каждый. Алена хотела собрать команду, они – банду. Она жаждала честности, когда главенствует лучший, они грезили властью. Она предпочитала диалог, они – донос. Но, главное, бунтарка поняла, что массовка перекачивается то на одну, то на другую сторону из шкурного интереса. В пользу дела никто не верит. Ей впервые в жизни было страшно.

Юра давно расстался с любовницей и по-прежнему существовал вольным книгочеем и меломаном. Он откровенно изумился ее неухоженности, вялости, даже на чай не пригласил. «Никогда не пытался целенаправленно двигаться, но тоже обошел», – думала Алена. И уже бесполезно было говорить ему правду: она мечтала стать его женой лет с четырнадцати. Их первая ночь не была случайностью. Просто после визитов и жалоб Алевтины Ольга подолгу

обсуждала ее непутевого чокнутого сыночка. Да цветисто так расписывала изъяны в назида-
ние подраставшей дочери. Ведала бы мать, что творила! Алена кивала ей и представляла, как
однажды встретится с Юркой. Он в нее безумно влюбится, уж она-то сможет постараться и
добиться своего. Тогда Алена создаст из доброго шалопая оригинального, выносливого, тру-
долобивого человека. Себе под стать.

Глава 5. Девочки

Выходной, как положенное в блюде и опасное для детского горла эскимо, таял слишком медленно. Алена давно сняла бигуди и убрала квартиру. Читать не хотелось, стирать не могло. Чтобы не затосковать, она решила пойти гулять.

Алена открыла для себя бесцельные прогулки задолго до старческой никчемности. Раньше удивлялась, как взрослый занятой человек может все бросить, одеться, выйти и побрести сначала невесть куда, потом обратно. Она приписывала убивающие время шатания эре коммуналок. Хотелось, конечно, людям одиночества и тишины. Отдыхали друг от друга и тот, кто ушел, и те, кто остались дома. Только ей не удавалось вообразить ситуацию, когда она сама заявила о желании пройтись, и никто не восторженно и не увязался, на ходу придумывая маршрут.

Но как-то Алена оказалась по делам в малознакомом районе. Нужный ей человек совещался с тем, кто был нужен ему. Сидеть в приемной и заставлять себя не вслушиваться в примитивный телефонный треп секретарши было не в состоянии. Алена вышла на улицу и побрела к маячившему впереди газетному киоску. В рабочее утро тротуар уже почти избавился от прохожих. И безумное ощущение личного владения неровным асфальтовым пространством снизошло на девушку. Оно будто опадало с верхушек юных тополей и старых лип, просачивалось сквозь кожу и медленно наполняло и душу, и тело. Первые метров сто Алена шла привычно быстро, словно намеченный ориентир, не дождавшись ее, мог убежать. Она еще не умела идти без цели и не исключала, что купит газету. И вдруг, забыв о новостях, легко миновала то, что, в сущности, было препятствием.

Впервые улица вела ее в неизвестность, но тактично, даруя свободу выбора, – остановиться, свернуть в переулок, развернуться и шагать назад. Улица заботилась о ней, щедро предлагая дворы с чахлыми кустами, нищие витрины, безликие столовки и кафешки, даже разнообразную музыку из открытых форточек. Это можно было принять за издевательство, но ничего другого вокруг не было. Улица загадывала простенькие загадки и не настаивала на их отгадках: в телефонной будке стояла бутылка с еще подвижными дорожками кефира на стенках, на низком подоконнике алел неведомый цветок. Душа расправилась, будто с нее стянули нечто тугое и тесное. Алена задумалась, что именно можно натянуть на душу, но тут же перестала. Мысли сделались необязательными, как заболевание гриппом в эпидемию. Она чувствовала себя здоровой и беззаботной.

Через час она вернулась в приемную, блаженно улыбаясь. И стереть неподходящую мимику не удалось ни заносчивой секретарше, ни ее обиженному на планерке директору.

На сей раз Алена пути не разбирала. Ноги пользовались тем, что голова была занята мыслями, и шагали себе, шагали. Идеальная, в сущности, прогулка. «Я взяла себя в руки после развода и начинаю преуспевать на службе, – думала Алена. – Нет, руки тут ни при чем. Времена меняются. Инициатива почти не наказуема. Нет нужды выдумывать, будто тебя непосредственно оплодотворил идеей развитой социализм, потому что ему не терпится стать коммунизмом. Если так пойдет дальше, я еще успею реализоваться, как одержимая бесом трудолюбия профессионалка. Да, за последние год-два я усвоила, что человеку нравится та работа, которая у него получается. Вернее, призналась себе в этом. Кстати, еще кое-что о человеке... Больше нечего... Ужас какой, я повадилась терять мысли».

И как она раньше смела быть уверена, что легко и умно закончит не только каждую свою, но любую чужую фразу? А потом еще красиво ее растолкует часа за три непрерывной говорильни? Теперь приходилось считать, что все это было от неуважения к людям, от неумения различать в толпе лица тех, кто сам умеет и думать, и говорить, и растолковывать. Впрочем, она была лидером и редко оглядывалась, а на спине глаз нет. Память немедленно подсушети-

лась: Загорск, толпа перед храмом валится на колени. И становится видно, кто на площади турист. Худой бородатый юноша, голова которого во время молебна возвышалась над Аленой и вдруг оказалась на уровне ее левого бедра. Он как-то непостижимо изогнул руку, указал пальцем на оставшуюся стоять компанию своих ровесников во главе с Аленой и громко сказал: «Недолюди, недочеловеки, быдло». Она, не задумываясь, бросила в ответ: «Провокатор, карьерист от воздержания, злыдень». Сейчас промолчала бы. Зато те, кто тогда беззвучно задохнулся от возмущения или смутился, обличили бы обличителя за милую душу.

«Опять начинается», – тоскливо догадалась Алена. Последствия утреннего налета Варвары уже не могли быть иными. Предстояло ощутить себя самозванкой в мире, испытать ужас перед так и не познанными людьми. Наверное, нечто подобное случалось с древним человеком во время грозы. И впервые в жизни в ней зашевелился стыд перед теми, кого она наставляла когда-то. Алена даже покраснела на ходу, вспомнив, как учила Юрку быть идеальным дворником. Ему вменялось в неодолимую потребность разбить во дворе сад и клумбы. Не вызывало сомнений то, что он захочет украсить балконы цветочными композициями. Да не простыми, а соответствующими личностям жильцов, которые надо было упорно изучать. Осмысление результата, по Алене, гарантировало мужу наслаждение профессией. Господи, и ведь Юрка серьезно обсуждал ее бред. Они спорили, надо ли наказывать мусорящих или ворующих цветы...

Ей хотелось перестать вспоминать то, что еще недавно было ее гордостью, а потом оказалось глупостью. Но чем яростней она запрещала себе думать, тем наглее своевольничали мысли. Это было почти невыносимо. Мыслительница и не заметила, как очутилась в своем старом дворе. «Что мне здесь понадобилось? – удивилась она. – Еще одно чаепитие с Валентиной я физически не переживу». Тут из подъезда вышла девочка, которую Алена видела ночью в окне. Она покачивала в руке папку с нотами и хмурилась. Ох уж это ненавистное пианино из детства! Эти мамины вздохи: «Доченька, когда-нибудь в приличной компании сядешь за инструмент и начнешь играть. Все столпятся вокруг и замрут. А ты почувствуешь себя королевой. Тогда и скажешь мне спасибо».

Доченьке ни разу не удалось проделать этот фокус даже назло орущему на вечеринках магнитофону, и благодарности Ольга не слышала. Зато при виде синей картонной папки Алену осенило. Квартира, двор, школа, даже музыкальная студия в ближайшем ДК у них с девочкой общие. Значит, они похожи. Значит, малышке живется несладко. Сама Алена в ее возрасте часто мечтала, чтобы какая-нибудь красивая и добрая тетя, антипод вечно растрепанной, сердитой, щедрой на пощечины Ольги, улыбнулась ей. Выслушала, пожалела, рассказала смешную историю. Сводила бы в зоопарк, а потом вдруг да и позвала бы жить в свой уютный, чистый, с ванной и туалетом дом. Алена обставляла воображаемое жилье лучшей мебелью из Ольгиного театра, заваливала стеллажи книгами, на которые в школьной библиотеке была нескончаемая очередь, развешивала в шкафу лучшие чужие платья. А еще унизывала кольцами пальцы феи. Ей казалось, что в таком виде они не сожмутся в кулак и не треснут ее между лопаток, чтобы не горбилась.

«Хватит! Расчувствовалась! – осадила себя Алена. – Вдруг у девочки нормальная, способная выразить свою любовь мать?» Но остановиться ей сегодня не удавалось. Как-то отлежала руку, та на минуту перестала слушаться, и эта беспомощность испугала по-настоящему. И вот, пожалуйста, непослушная голова оказалась гораздо страшнее. Она упрямо гнула свое: откуда можно перебраться в эту квартиру, где настоящими хозяевами вечно будут тараканы? Только из такой же на соседней улице, из комнатухи или из общежития. И почему ребенок идет «на музыку» один в воскресенье? Нет, ничем существенным мать девочки не отличается от Ольги. Вкалывает, бедствует, горько жалеет, что родила, и теперь не конкурентка подругам «без хвостов». Алена не знала, чего хочет больше. Смягчить участь девочки? Или взглянуться в похожее на свое детство – только ли задатками лидерства одаривает оно?

Из темного подъезда выбежал мальчишка с фонариком. «Какого цвета огонек?» – ехидно спросила Алену память. На ярком свете огонек показался ей белым. Лет десять назад на улице ее встретила однокурсница Таня и, не здороваясь, спросила:

– Какого цвета огонек? Отвечай быстрее, раз, два...

– Голубой, – мрачно сказала Алена.

Она уже открыла рот, чтобы выругать советскую эстраду, но Таня завопила:

– Умница! А то все заладили – желтый, желтый, желтый. Опросила по просьбе папы двадцать человек. Ты первая, кто мыслит нестандартно.

– Слушай, а замешательство окружающих действительно может развлекать? – полюбопытствовала Алена.

– Ого! Это еще более непредсказуемая реакция! – захохотала Таня. – Обязательно обрадую ею папу. Ну, пока.

Многokrатно упомянутый отец популяризировал что-то научное. Он любил нестандартных и непредсказуемых приятелей дочери. Товарищ вел себя как господин, и приятели его тоже любили. В его доме привечали тех, кто умел нарисовать на салфетке шарж, напеть слова лирической песни на мотив патриотической, выдать экспромтом пару не слишком заезженных рифм. Алену, отличившуюся с огоньком, позвали в гости в ближайшую субботу.

Она без натуги поострила. Чистенько выбила из пианино нечто не очень сложное, но классическое. Поделилась невоплотимым в съедобное блюдо индийским рецептом. Все бы кончилось мирно. Но хозяин заговорил про свой тест. Дескать, вот Алена умница, избранница.

– Чья? Ваша? – взъерепенилась она.

Папа решил, что гостя кокетничает.

– Ну, коли тест мой... – протянул он и сделал строгие глаза. Надо полагать, так определялись границы дозволенного юношеству.

– Ничего не имею против теста, – заявила Алена. – Но не советовала бы вам пускать людей в дом по его результатам. Ведь со стандартным желтым огоньком у человека может ассоциироваться настольная лампа и вдохновение над листом бумаги. С менее частым зеленым – такси и исчезновение с места преступления. А с черным – верх оригинальности – наркотический кошмар. Сегодня вы не ошиблись в избраннице. Но когда-нибудь проведете вечер, которого заслуживаете своим легкомыслием.

– Мне приятна твоя забота, – усмехнулся он. – Но не настолько уж я доверчив...

– Все непредсказуемые очень предсказуемы, да? Вы упомянули Хармса, мы начали демонстрировать чувство юмора. Сказали о Моцарте, двое, включая меня, ринулись к пианино. Ну а после намек на Рерихов понеслось: йога, индийская кухня... Я уже пыталась выяснить у Тани. Ваша семья таким образом развлекается?

Он поступил так же, как его дочь. Расхохотался. Бунтарка независимо пожала плечами, вернулась к людям и самозабвенно трепалась до конца вечеринки.

«С чего я тогда нахамила? Обиделась, что раньше не выделяли, не приглашали? Ну да, была умная-преумная, а в Танином обществе не котировалась. Злилась, наверное, – подумала Алена, впервые обнаруживая, что уже не все про себя помнит. – Интересно, как моя девочка ладит с людьми? И кто учит ее музыке? Уж не Паола ли Алексеевна?»

Сама она музыкой занималась недолго. Когда учительница, Паола Алексеевна, начинала отбивать такт карандашом по крышке рояля и сквозь зубы бормотать: «Резче, тише, громче, быстрее», Алена терялась. Пальцы ее деревенели и лупили по клавишам, игнорируя нужные. Приказы и ноты не совмещались ни в голове, ни в душе. «Никакого слуха», – мрачно констатировала измученная учительница. Когда в университете преподаватель английского сообщил Алене, что ее идеальное произношение обусловлено идеальным же слухом, та удивилась.

Чем труднее Алене было выполнять требования Паолы Алексеевны, тем ненавистнее становилась музыка. Чем чаще в пику ей хвалили никогда не сбивающуюся ровесницу, тем ярост-

нее она ошибалась. А экзамен за третий год занятий приближался, как грузовик. С кромки тротуара кажется, что он маленький и далеко. Шагнешь на дорогу – громадный, близко и готов переехать. В девять лет испытывать такое очень страшно. Ольга же считала неизбежную аварию праздником. Стеклянно накрахмалила дочке фартук и так туго заплела волосы, что разболелась голова. Обещала купить цветы, забрать из продленки в четыре и торжественно бросить под машину. Но явилась в шесть.

– Паола Алексеевна заболела, отменили экзамен, – сказала она.

– Снова все повторять, ничего не разучивать! – ужаснулась Алена.

– Что делать, малышка. Прежде чем предъявить начальству и родителям, вас нужно натаскать хорошенько. Люди отдают пятнадцать рублей в месяц за удовольствие видеть своего гениального ребенка на сцене. И за наслаждение сравнивать его с чужими бездарями, – растолковала Ольга.

В дверях подъезда она заплакала:

– Прости меня, доченька, прости. Другие дети сейчас играют, млеют от аплодисментов, кланяются. Я тебя обманула. Ко мне пришли друзья из театра. Ты не знаешь... Тетя Света, балерина, дядя Коля, режиссер... Там много народу... Как-то нагрянули вдруг... Не могла я тебя повести...

– Ура! – завопила Алена и рванула вверх по лестнице, подбрасывая папку.

Часа через три она засыпала под столом в кухне, в своем «домике», обняв плюшевого медведя. В комнате чудный баритон выводил: «Поле, русское по-о-ле...» Девочка радовалась и завидовала не боящейся учителей и плюющей на экзаменационную показуху маме. И еще смутная мысль, что Паолу Алексеевну почему-то не взяли в оркестр Ольгиного театра, что она даже незнакома с людьми, рассевшимися на ковре за стенкой, некоторое время одиноко бродила в голове. Утром Алена проснулась от холода под тем же столом. Вылезла и заглянула в комнату. Гости спали кто на чем, но все были укрыты хоть скатертью, хоть пальто. Про Алену вчера забыли. «Ладно же, мамочка», – обиделась она и перестала ходить в студию.

Полгода Алена занималась дома по три часа в день, увлеченно разучивая довольно сложные пьесы. Изумленная мать боялась взглянуть на такое прилежание и хвалила дочь нечасто. Зато ее счастливое лицо договаривало все до конца. Однако сколько веревочке ни виться... Ольга встретила Паолу Алексеевну на остановке и узнала правду. А дома отлупила Алену первым, что попало под руку. Карающим орудием стала лыжная палка.

– Ты сама не повела меня на экзамен! – вопила девочка.

– Мерзавка, я три года голодала, чтобы купить пианино, – шипела женщина.

– Ты забыла меня на полу в кухне!

– Лгунья! Лучше бы я тебя в роддоме забыла. Где деньги за занятия?

Алена запихивала их обратно в Ольгин кошелек и подделывала прошлогодние квитанции, о чем и сообщила с гордостью. Мать не поверила. Она не считала свои рубли после оплаты квартиры, студии и долгов.

В разгар допроса с битьем пришли Стас и Алевтина.

– Чем занимаетесь, девушки? – полюбопытствовал Стас, косясь на лыжную палку.

– Дурь из Алены выбиваю, – призналась Ольга.

И, давась горькими слезами, рассказала о вероломстве дочери.

– Вся дурь от души, – простонал Стас и разоружил ее.

– Алена, ты обязана извиниться перед учительницей, – решила Алевтина, вкладывая в ладонь малолетней преступницы шоколадку.

– И попроситься обратно в студию, иначе ты мне не дочь, – пригрозила Ольга.

Стас обнял обеих за талию и увлек в кухню, подмигнув через плечо Алене. Ей стало так легко и весело, будто и не пороли.

На следующий день она поплелась в ДК. Чтобы не натереть пятки новыми туфлями, Ольга велела надеть подследники. Разумеется, выйдя из дома, Алена стянула их и положила в карман. Из вредности. Ей хотелось, чтобы Паола Алексеевна умерла или хотя бы заболела. Но нет, та стояла в дверях актового зала и болтала с двумя какими-то женщинами. Тяжело уставилась на Алену, отрывисто спросила:

– Ну что?

Девочка покраснела и забормотала извинения. Наверное, Паола Алексеевна выдыхала определенное количество презрения, которое разъедало слизистую оболочку Алениного носа и вызывало хлюпающие звуки. Учительница наслушалась их вволю, махнула рукой и объяснила женщинам:

– Это та самая фокусница.

Впервые в жизни у Алены запылали не щеки, а уши. Надо было проситься назад. Она всхлипнула и попросилась.

– Не знаю, не знаю... После того, что ты учудила...

Алена боялась, что Ольга откажется от нее, как пообещала.

– Пожалуйста, я буду очень стараться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.